

Дмитрий Карев
Гродно, Білорусь

**ЗАРУБЕЖНОЕ БЕЛОРУСОВЕДЕНИЕ
И УКРАИНОВЕДЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧ. XXI ВЕКА:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ
(ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ФРГ)**

Развитие белоруссоведения и украиноведения имеют давние и достаточно прочные традиции еще с XIX – нач. XX в. Достаточно сказать, что после закрытия Виленского университета его восприемником стал Киевский университет, а профессор Виленского университета, историк И.М. Данилович стал ведущим профессором и деканом юридического факультета Киевского императорского университета. Серьезное внимание истории ВКЛ и Беларуси уделяли И.Н. Костомаров, М.А. Максимович, В.Б. Антонович, братья А.С. и М.С. Грушевские. Крупнейший белорусский историк, основоположник белорусской национальной историографии М.В. Довнар-Запольский – ученик В.Б. Антоновича – в значительной мере усвоил концептуальные подходы украинских коллег применительно к белорусскому историческому процессу.

Если украинцам удалось хотя и на сравнительно короткий исторический период, в дальнейшем (в 1918–1919 гг.) опробовать свою модель национально-государственного и культурного строительства на практике, в Беларуси – акт 25 марта 1918 года лишь декларировал желанную независимость. Переплетенность исторических судеб Беларуси и Украины сказалась и в последствиях Рижского мирного договора 1921 года, когда значительная часть Западной Беларуси и Западной Украины оказались вне пределов

своей исторической родины. Это порождало общность проблем и близость их толкования в исторических версиях белорусско-украинского прошлого.

Еще в большей мере эта связанность судеб проявилась в деятельности белорусских и украинских диаспорных эмигрантских организаций в странах Западной Европы и Северной Америки, что нередко определяло возможность культурных и научных контактов лидеров национально-культурных сообществ этих наций за рубежами их отечества.

Однако, при всех этих моментах близости и общности, развитие белоруссоведения в таких западноевропейских странах, как ФРГ и Великобритания имело и существенное отличие. Наиболее характерные из них сводятся к следующим моментам.

Украинцам удалось создать в Западной Германии достаточно влиятельные и авторитетные научные институции (прежде всего Свободный Украинский университет в Мюнхене), белорусы нередко начинали свою деятельность в ФРГ под крылом этого университета или Института по изучению СССР, где украинские исследователи играли ведущую роль.

Более многочисленная и влиятельная диаспора в ФРГ обладала гораздо большим потенциалом трансляционного эффекта о своей культуре и истории в западногерманском научном сообществе.

В Великобритании в созданных университетских славистических центрах украиноведение получило гораздо более пристальное внимание, хотя и меньшее, чем россиянка или полонистика. Белоруссоведение стало достаточно активно проникать в исследовательское поле славистов Великобритании и ФРГ с конца 80-х гг. – нач. 90-х гг. XX в. Хотя и сегодня белоруссоведение остается на маргинеze славистических исследований в этих странах.

К сожалению, какой-либо значимой представительной информации о регулярных научных контактах ведущих представителей украиноведения и белоруссоведения в этих странах, в белорусской историографической традиции на сегодняшний день не имеется, а проблема явно заслуживает специального исследовательского внимания как в плане геополитических интересов Беларуси и

Украины, так и в аспекте совместного фокусированного воздействия на создание полноценного сбалансированного образа наших стран в экспертном сообществе и культуре западноевропейского сообщества.

Поэтому перед современным исследователем истории украиноведения и белоруссоведения предстоит решить как минимум три задачи:

1. Выявить и отобрать этот круг источников;
2. Определить их репрезентативность и полноту;
3. На основе этой источниковой базы создать полноценную аргументированную реконструкцию белорусско-украинских культурных и научных связей в контекстах западноевропейского сообщества.

Решение этих задач позволило бы украинским и белорусским историкам и культурологам более эффективно продвигать и популяризировать традиции своей богатой истории и культуры в западноевропейском сообществе и формировать политику адекватной исторической памяти.